

A person wearing a long red robe with a fur-trimmed hood and a large, ornate bag slung over their shoulder stands on a rocky path, looking out over a vast mountain landscape. The mountains are covered in snow and partially shrouded in mist. A river flows through the valley below, and several birds are flying in the sky.

Шаман начинает своё путешествие

Фаина Щукина

Фаина Щукина

Шаман начинает своё путешествие

«Автор»

2026

Щукина Ф.

Шаман начинает своё путешествие / Ф. Щукина — «Автор»,
2026

Главный герой становится свидетелем видения, где шаман Соксар странствует между мирами времени и мечется между 1917 и 1948 годами. Эта история исследует тему духовного поиска и внутреннего конфликта через шаманизм и историю, объединяя разные традиции и эпохи.

© Щукина Ф., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПУТЬ ШАМАНА	5
ОГОНЬ БУДУЩЕГО	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Фаина Щукина

Шаман начинает своё путешествие

ПУТЬ ШАМАНА

Я нахожусь в том месте, где сезоны сменяют друг друга естественным образом. Навстречу холодной зиме, которая укрывает одеялом снега, наши леса и реки приходит тёплый ветер. Этот ветер заботливо, как мать, гладит замёрзшую землю, он дышит на неё и заставляет человеческое сердце биться с новой силой. В один из таких дней я и Соксар сидели около Горы духов. Ночное Звёздное небо смотрело на нас глазами ушедших предков, их зрачки сияли и множились на тысячи огней. Созвездие Большого лося стояло прямо над нами, хорошо можно было разглядеть каждую звезду. Соксар курил свою трубку, периодически подсыпая в неё прошлогодние травы, которые мы собираем в конце жаркого сезона. Руки шамана, огрубевшие от работы и северных ветров, бережно коснулись сухих веток кедра и бересты, уложенных в строгом сакральном порядке. Какое-то время понадобилось Шаману, чтобы тонкая струйка серого дыма потянулась вверх, но вместо того, чтобы раствориться в небе, она начала свиваться в тугую спираль, словно подчиняясь воле невидимого кукловода. Соксар плеснул в зарождающееся пламя настой из горьких трав и растертого костного мозга священного оленя. Огонь жадно поглотил подношение, вспыхнув неестественным синеватым светом, который не отбрасывал тепла, но заставлял воздух вокруг вибрировать от напряжения.

Когда мой отец умер, - сказал Соксар с чуть прикрытыми глазами, выпуская дым. - На небе появился новый глаз предков. С тех пор прошло много лет, и этот глаз до сих пор наблюдает за мной. Я тоже скоро уйду, Секенак, и когда это случится, возьми все мои ритуальные обереги, сложи их в сосуд, который ты изготовишь своими руками, и зарой здесь, чтобы духи предков приняли меня. Больше в твоём роду не будет шаманов этот путь окончен для того, чтобы начаться снова .

Что ты имеешь в виду Соксар? - удивился я его словам. - Как это ты собрался умирать? Ты ещё полон сил и здоров, в нашем племени рождаются новые дети, их нужно кому-то лечить, иначе духи оставят нас.

Не бойся про это, Секенак, - продолжал шаман. Духи уготовили нашему племени новый путь, ребёнок, который родится сегодня, укажет его. Я видел будущее, — продолжил Соксар, и его голос вдруг стал громче, наполнив собой всю рошу, смешиваясь с шепотом листьев. — Я видел пути нашего рода. Я видел твоих сыновей, еще не рожденных, и сыновей их сыновей. Я видел, как рука врага поднимается на наше стойбище, и видел, как она падает, иссохшая. Я видел времена, когда наши очаги погаснут, и времена, когда огонь в них разгорится с новой силой.

С этими словами Соксар резко обернулся ко мне, и я инстинктивно отшатнулся.

— Зачем ты говоришь мне это? — спросил я, стараясь вернуть твердость в голос. — Ты всегда говорил, что знание будущего — это не для вождя. Что мое дело — решать сейчас, а твое — смотреть вперед.

— Да, — Соксар опустил обратно на землю, и в его движениях вдруг проявилась глубокая, вселенская усталость. Он схватил горсть земли и бросил ее в огонь. Костер зашипел. — Я предостерегаю тебя, Секенак. Я говорю это не как тот, кто хвастается силой. Я говорю это как тот, кто несет тяжесть

Он посмотрел прямо в мои глаза. Впервые за эту ночь в его взгляде не было потусторонней пустоты, а был лишь человек .

— Знание будущего, — прошептал Соксар, это не дар, Секенак. Это проклятие, которое я ношу за тебя, за твоих воинов, за каждую женщину и каждого ребенка в нашей деревне. Я вижу, как умирают те, кого я люблю, еще до того, как они родятся. Я слышу плач по погибшим воинам. Я знаю имена тех, кто предаст, и тех, кто будет верен до конца, но я не могу сказать тебе их.

Он протянул руку и коснулся своей груди, прямо там, где билось сердце.

— Это бремя. Я таскаю его по всем мирам, через которые странствую. И когда я возвращаюсь обратно, когда снова слышу смех детей у реки и звон мечей на поле для тренировок, я улыбаюсь им, но глаза мои полны слез, ибо я уже похоронил их всех в своих видениях.

Мои плечи, казалось, сжались под тяжестью. Я смотрел на шамана — своего друга, своего советника; того, кто был мостом между племенем и неведомым, — и впервые увидел в нем не вместилище духов, а человека. Человека, который добровольно взвалил на себя ношу, неподъемную для любого смертного.

— Зачем же ты берешь эту ношу? — спросил я.

Соксар медленно перевел взгляд на костер.

— Потому что кто-то должен идти, — ответил он просто. — Потому что если я не пойду, наше племя будет слепым зайцем, который ползет к краю пропасти. Я несу это проклятие, чтобы вы могли жить в благословенном неведении сегодняшнего дня.

Он встал, и на этот раз его фигура снова стала обычной, человеческой, немного сторбленной от прожитых лет.

— Я рассказал тебе это не для того, чтобы ты пожалел меня, Соксар. Я рассказал это, чтобы ты знал: если однажды мои глаза станут совсем пустыми, а голос заговорит голосами тех, кого нет рядом — не бойся. Это просто я смотрю на вас оттуда, откуда видно всё. И помни: я плачу цену за наше будущее каждую ночь, чтобы утром вы могли просто жить.

Закончив свою исповедь, Соксар затянулся дымом трубки и выпустил густой дым, который отражался сквозь пламя костра и рассеивался во влажном ночном воздухе. Я и шаман продолжали сидеть у костра в ночь, когда она равна дню. Сегодня духи небесного царства входят в наш мир для того, чтобы запустить новый виток жизни. Моя младшая дочь Ро ждала ребёнка и скоро должна была разрешиться, Соксар позвал меня для обряда помощи в родах для Ро к горе духов.

Шаман сидел у костра, прикрыв глаза, и издавал какое-то монотонное мычание, это означало что обряд начался. Встав около костра, он взял ритуальный бубен. Сначала Соксар ударил в него еле слышно: три коротких и один медленный удар тум-тум-тум дум. Сделав глубокий выдох, шаман продолжил держать этот ритм. Глаза Соксара были прикрыты, тело его раскачивалось из стороны в сторону, а дым от огня как будто следовал за ним и поднимался всё выше и выше к небу. Костёр разгорался всё сильнее. Тум-тум- тум дум, тум-тум-тум дум - пел его бубен колыбельную для духа огня. Правая нога Соксара на полупальцах отступила в сторону от костра, шаман чуть-чуть присел, нагнувшись, как какое-то хищное животное. Левая его нога ступила в сторону, и тело Соксара последовало за ногой. Он стал совершать какие-то фигуры в воздухе руками и размахивать ими, как будто это крылья ворона. Продолжая свой ритуальный танец, шаман начал вглядываться в костёр и в дым, который исходит от него густым потоком. Ритуал очищения продолжался достаточно долго, первая партия дров в костре начала догорать, тогда Соксар остановился и поклонился огню. Он кинул туда горсть ячменя, что принёс с собой в сумке из бобровой шкуры. "Благодарю тебя, Дух огня, за благословение", - сказал Шаман на древнем языке предков, смысл которого я понимал. Затем Соксар достал из сумки сверток какой-то травы. В темноте я разглядел, что это была полынь. Он поджёг охапку растения огнем костра - началось второе действия обряда. Жестом шаман попросил меня встать рядом с собой. Я подошёл к нему, и Соксар закрыл мне глаза своей шершавой ладонью. Зрение оставило меня, я превратился в комок из ощущений. Сквозь прикрытые веки я наблюдал как

полыхает огонь, на своей коже чувствовал прикосновение его тепла и дыма от полыни. Вдохнув этот горький и терпкий запах животворящей травы, по телу прокатилось расслабление от макушки до кончиков пальцев ног. Я почувствовал разливающееся тепло. Шаман произносил свое заклинание, и воздух от его рук касался меня.

"Ау, ау, шихардакарда кавда", - шипел Шаман где-то около моего права уха. "Шивда вноза митта миногам", - раздавалось уже сзади меня. "Каланди инди якутама битм, - слышалось с левой стороны. - Акутоми ни нуфан зидиман". Звук его голоса слышался всё дальше и дальше, как будто я падаю в какой-то тёмный тоннель. Я погружался в эту темноту всё глубже и глубже, казалось, что моё тело начало парить в невесомости. Теперь я слышал только удары его бубна: тум-тум-тум дум, тум-тумтум дум...

"Открой глаза и ты увидишь", - раздался голос из глубины меня. Я посмотрел вперёд и увидел, что где-то в огне стоит человек в странной одежде. На нём была чёрная ткань, которая спадала до земли, руки его были закутаны в неё, а волосы этого человека длинные и седые спадали на плечи. В своей левой руке он держал что-то, а правой рукой чертил по воздуху незнакомый мне знак. Этот мужчина что-то говорил, но я не мог понять смысл этих слов, его голос уносился от меня пока совсем не стих.

ОГОНЬ БУДУЩЕГО

Тайга дышала тяжелым и влажным дыханием. Соксар чувствовал, как тишина давит на виски, становясь почти осязаемой, словно густой туман, поднимающийся от незамерзающих подземных ключей. В этой тишине не было покоя, лишь затаившееся ожидание неизбежного. Воздух сделался привычно горьким, пропитанным запахом старой хвои и чем-то металлическим, напоминающим вкус крови на языке. Духи леса, обычно шумные и капризные, внезапно умолкли, покинув свои насиженные пристанища в корнях и кронах голых деревьев. Соксар стоял около моего спящего тела, всматриваясь в огонь, где реальность начинала медленно истончаться, обнажая невидимые швы потустороннего мира.

Внезапно земля под ногами едва заметно дрогнула, и со стороны священного круга донесся тихий, едва различимый гул. Это не был звук ветра или треск ломающейся ветки; это был стон звезд, призывающих своего путника. Соксар заметил, как на земле проступают странные тени, хотя луна была скрыта плотными облаками. Тени сплетались в причудливые узоры, напоминающие очертания незнакомых построек и символов, чуждых его времени. Сердце шамана забилося в неровном ритме, вторя этому подземному гулу. Его кожа горела, несмотря на холод, а перед глазами то и дело вспыхивали огненные искры. Это были знамения будущего, которые пытались пробиться сквозь завесу тяжелого и плотного настоящего. Род звал его, но в этом зове не было триумфа, лишь тягучая неизбежность. Он коснулся пальцами ритуального ножа на поясе, и сталь отозвалась железным холодом, подтверждая реальность происходящего. Духи предков больше не шептали советы, они застыли в безмолвии, требуя шага в неизвестность. Грань между мирами стала тонкой, как лист пергамента, и Соксар понимал: эта ночь навсегда изменит не только его жизнь, но и судьбу тех, кто еще не успел родиться под этим сибирским небом.

Соксар укрыл меня шкурой медведя и медленно опустился на колени перед горящим огнем. Его движения были тяжелыми, словно каждое усилие преодолевало сопротивление невидимой стены. Соксар не пел привычных заговоров, он чувствовал, как фантомные тени зданий из его видений становятся плотнее, почти осязаемо разрезая воздух тайги своими каменными углами. Шаман закрыл глаза, настраиваясь на ритм этого чужого времени. Металлический привкус во рту усилился, превращаясь в отчетливый вкус железа и крови. Он понимал, что ткань реальности вокруг него начала крошиться, превращая привычный лес в зыбкую декорацию. Костер был готов принять его жертву, открывая путь туда, где угасала жизнь того, чье существование было неразрывно связано с этим древним ритуалом. Путешественник между мирами расправил плечи, ощущая, как ритуальные подвески на его фартуке начинают тихо звенеть сами собой. Он вглядывался в центр костра, где за пляшущими искрами уже начинали проявляться очертания темной комнаты, пропитанной запахом ладана и болезни. Его подготовка была завершена; теперь оставалось лишь дожидаться момента, когда пламя станет дверью. Пламя костра, еще мгновение назад казавшееся живым существом из плоти вдруг застыло, превратившись в прозрачное стекло, через которое просачивались образы иного мира. Соксар подался вперед, не обращая внимания на то, что кончики его кожаных унт уже начали дымиться от близости к углям. В самом сердце синего огня, там, где обычно рождается свет, он увидел человека, который явился мне в пламени, это был старик в черном платье. Человек лежал на узкой кровати, укрытый серым, грубым одеялом, которое казалось неподъемным бременем для его длинного и утонченного тела. Пальцы старика, длинные и сильные, сжимали металлический крест, висевший на груди. Соксар почувствовал, как по его собственным жилам разливается духота этой чужой комнаты, соприкасаясь с холодом сибирской ночи.

Взгляд умирающего был устремлен в пустоту, но в какой-то момент его глаза, подернутые мутной пеленой болезни, словно сфокусировались на самом шамане сквозь толщу столе-

тий. Соксар узнал в этих чертах отголоски собственного лица, искаженные временем и чуждой верой, но сохранившие ту же непокорную искру в глубине зрачков. Этот человек был ветвью того же корня, где духи предков были забыты. Вокруг старика клубились тени, которые пахли не лесом, а воском и пылью старых писем. Шаман видел, как губы священника шевелятся, произнося беззвучные слова, которые доносились до Соксара лишь глухим рокотом. Это была молитва о спасении. Соксар осознал, что время этого человека истекает быстрее, чем догорает кедровое полено в его костре. Если он не шагнет сейчас в эту комнату, ветвь рода обломится в полном одиночестве, унося с собой тайну, которую они оба обязаны были разделить.

Соксар посмотрел на свои ладони, они казались прозрачными в свете магического огня. Его судьба больше не принадлежала тайге; она была привязана к этой тесной комнате, пахнущей воском и ладаном. Путешественник закрыл глаза и почувствовал, как воля предков подталкивает его в спину, лишая возможности вернуться назад. Быть шаманом, значит быть мостом. С выдохом, в котором смешались молитва и боевой клич, Соксар подался вперед. Его нога обернутая выделанной кожей оленя коснулась самого сердца костра, где пламя было белым и ослепительным. Воздух вокруг него свернулся, превращаясь в душную баню, а реальность начала осыпаться пеплом. Белый свет не просто ослепил его, он стал всем его существом. Соксар чувствовал, как огонь, который мгновение назад был лишь кедровыми поленьями, превращается в живую материю. Боль была острой, но странно чистой, словно раскаленный клинок выжигал из его памяти запахи таежной хвои и холод ночного ветра, освобождая место для чего-то иного. Он падал вверх, сквозь слои времени, где тени предков проносились мимо него, безмолвно указывая путь к той единственной точке, где еще теплилась искра их будущего. Каждое мгновение этого перехода казалось вечностью. Вихри войн, которых он еще не знал, и звон колоколов, не похожий на звук бубна, обрушивались на его сознание. Свет начал обретать очертания, дробясь на тени и призрачные контуры предметов, которых никогда не знала древняя Сибирь. Ноги шамана, привыкшие к мягкому мху и острым камням, коснулись твердой и ровной поверхности, которая не была землей. Гул в ушах начал стихать, превращаясь в прерывистое, хриплое дыхание. Соксар еще не открыл глаза, но уже чувствовал, что мир вокруг него изменился навсегда. Тайга осталась позади, в этой темной комнате, его ждало нечто более удивительное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.